

Содержание

Глава 1. Уитабик	5
Глава 2. Тростниковый сахар	21
Глава 3. Эмпайер	43
Глава 4. Бычий глаз	61
Глава 5. Жаба в норке	77
Глава 6. Галета	99
Глава 7. Бейквеллский пудинг	116
Глава 8. Круассанчики на ножках	139
Глава 9. Крампет	153
Глава 10. Смерть от рук брюнета	168
Глава 11. Чай	179
Глава 12. Сушеный рубец	191
Глава 13. Пятнистый Дик	206
Глава 14. Лимонный леденец	226
Глава 15. Разрыв с женщиной	245
Глава 16. Виски	260
Глава 17. Смерть от рук короля	282
Глава 18. Крыжовенное варенье	309
Эпилог. Щедрый дар	313

Глава 1

УИТАБИК

Я сижу у больничной койки отца и медленно перелистываю страницы книги, не предпринимая никаких попыток вчитаться. Хочется отвлечь голову от мысли — отец умирает, но отвлекаются лишь руки. Он умирает уже много — пять — лет, с конца войны, поэтому прямо сейчас не происходит ничего нового. Другое дело — старое, похоже, заканчивается.

В палате пахнет карболкой, едкий запах морщит нос, а стены терзают глаза, выкрашены так удивительно: половина — снизу до середины — голубой, а далее — до потолка — застиранно-горчичный. Даже те, кто приходит сюда здоровыми, выходят пациентами Бродмура*. Нет, лучше не разглядывать, лучше читать. Если судить по тем двум абзацам, что все же выхватываю, листаю я любовный роман, причем довольно занудный — сплошные невыразимые чувства и восклицательные знаки. «Сыновья и любовники» Лоуренса. Видимо, автор находит — находил? Лоуренс жив? — особое удовольствие, вставляя слово «любовник» почти в каждое название. Провокация или застревание? Хм.

---

* Психиатрическая больница строгого режима в Кроуторне, Беркшир, Англия. (Здесь и далее примечания автора.)

Отец хрипит — серое лицо, закрытые глаза. Я беру его за руку. Влажно-ледяная, неживая рука.

Дверь в палату открывается, я оборачиваюсь на звук, рассчитывая увидеть медсестру Бетси — ходячий вызов одиночеству, — решила со мной подружиться во что бы то ни стало. Подружиться в ее понимании — заглядывать в глаза и сочувственно мычать в расчете на то, что собеседник разрыдается. Но это не Бетси, это мужчина. Растерян, серый саржевый костюм, черные оксфорды, мнет в руках поля федоры. Растрепанные пшеничные вихры — так спешил? Отворачиваюсь и снова принимаюсь перелистывать страницы — явно ошибся палатой.

— Здравствуйте, леди Ласселс. Я приехал, как только узнал. — Нет, он не ошибся палатой. Но я никому не давала знать. Ни о чем. — Надежды совсем нет?

Двусмысленная фраза — упускает самый ее конец. Очень высокий. Кто он? Захлопываю книгу — пуф-ф.

— Надежды на что, мистер...?

— Доггер. Вы меня не помните? Я друг вашего отца, приезжал несколько раз гостить в Харвуд-Хаус.

Я совершенно его не помню. На вид лет сорок. Хорошо сложен. Широкие плечи. Перекинутое через руку пальто из дорогого твида, а саржевый костюм... по сезону и фигуре, но явно дешевле пальто. Нет, не помню.

— Откуда вы узнали об отце?

— Мы держали связь, а потом мне позвонил в Лондон Берти...

Я приподнимаю бровь. Теперь еще и Берти. Это что, заговор?.. Доггеру явно не по себе — переводит взгляд с меня на отца.

— Доктор Крауч.

С чего бы доктору Краучу... Впрочем, ладно, жизненные перипетии таинственного Доггера успевают меня утомить. Я жестом указываю на стул у стены: если ему так хочется разделить последние часы отца — кто я такая, чтобы препятствовать.

Разговор не возобновляется — к счастью, Доггер сидит как истукан с острова Пасхи, только руки двигаются — продолжает вертеть несчастную шляпу, еще немного, и мусорное ведро станет ей домом. Книгу больше листать не хочется, вместо этого разглядываю Доггера — на отца смотреть нет сил. Прости, папа, твоя дочь просто ужасна. В какой-то момент Доггер перехватывает взгляд: меня это не смущает, а вот его весьма — хмурится.

— Может, вы хотите отлучиться, леди Ласселс? Я подежурю.

— Нет, спасибо.

Отец неожиданно глубоко вдыхает и открывает глаза. Доггер нагибается, сближая лица, и преданно смотрит в чужие глаза без блеска — фамилия ему явно подходит.

— Агастус?

Зовет по имени? Как странно.

— Хорошо, что ты приехал, Доггер.

— Конечно, старина, а как же иначе.

— Немного осталось.

Доггер кивает. Хорошо, что он не успокаивает, внушая отцу ложные надежды — можно не вмешиваться.

— Присмотри за Агатой. У нее нет надежных родственников.

Какая странная фраза, зачем мне надежные родственники?.. Доггер смотрит на меня. У него глаза грустные и зеленые, как зацветший теплым летом пруд.

— Хорошо, Агастус, постараюсь.

Мне отец не говорит ни слова. Впрочем... Что тут скажешь? Я тебя люблю? Я и так знаю, что он меня любит, к чему слова...

* * *

Когда отец умирает — внезапно, — выдыхает и... И все, я встаю и выхожу из палаты. Оставляю за спиной сдерживающего слезы Доггера. Я иду и иду — каблуки глухо стучат по дешевому линолеуму — мимо палат, мимо медсестры, мимо надписи «Рентген», спускаюсь на первый этаж, сворачиваю направо, мимо приемного пункта, выхожу на Йорк-Роуд. Я так долго сидела, что теперь мне хочется идти. Дует ветер, но я не могу понять, теплый он или холодный. Не могу понять, есть ли на мне пальто или нет. Пальцы сжимают ремешок сумки. Оборачиваюсь — часы на кирпичной водонапорной башне больницы показывают 2.14. Меня что-то спрашивают, кто-то окликает, я просто иду вперед, подальше от больницы Сикрофт — теперь на карте в моем сознании навсегда отмечена крестом — место для умирания, последнее из мест, где хочу вновь оказаться. Я просто иду. Мне не грустно, не печально, не трагично, я не чувствую себя опустошенно. Мне никак. Я просто иду.

Неожиданно темнеет, никогда весной не темнеет так быстро, и я вижу перед собой Доггера, зачем-то накидывает мне на плечи свое пальто.

— Что вы делаете?

Он шумно выдыхает — отец теперь так не сможет, да? — и озабоченно смотрит мне в глаза. Да что он все смотрит в глаза? Это очень неприятно, действительно как собака, но что толку, не ношу при себе

угощений. Я дергаю плечом, пытаюсь скинуть пальто, но он настойчиво тянет его обратно. Почему-то вокруг дерева. Парк? Лес?.. Я же была в больнице, в 2.14 дня умер отец. Оглушительно хлопает дверца машины, я отклоняюсь, пытаюсь разглядеть, что происходит. Старенький моррис-бульдожка доктора Крауча стоит на обочине, а доктор Крауч — легкоузнаваемый даже в темноте по массивной фигуре и громогласному пыхтению — спешит к нам. У меня ноги промокли. Я ничего не понимаю. Где я?

— Я задала вам вопрос, мистер Доггер.

— Вы ушли из больницы, и мы с Берти искали вас около четырех часов. — Получается, сейчас... около шести часов вечера? — Давайте доедем до Харвуд-Хуса и там поговорим.

Доггер это произносит, и как тумблер в голове переключается, ощущаю острую боль в ногах — мышцы горят огнем, а задник туфли стер кожу в кровь. Я киваю. Предложение Доггера звучит разумно.

Доктор Крауч всю дорогу спрашивает, как я себя чувствую, и пытается заставить меня накрыться пледом. Игнорирую навязчивую заботу, молчу и думаю. Мое сознание помутилось — это, мягко говоря, разочаровывает. Получается — не могу доверять себе, стоит ослабить контроль, и мозг снова пустится плясать кадиль? Но второго отца у меня нет, значит, и смерть его переживать второй раз не придется. Мать я не помню, но в столовой висит портрет. Хорошо, что я пошла в породу Ласселсов, породу отца — спасла себя от лица плоского и невыразительного, что блин. Впрочем, говорят — по большей части, миссис Тернер, кухарка, — что мать моя была женщиной чудесной — смешливой, жизнерадостной и отзывчивой.

С этой стороны мне не повезло — по характеру я как раз блин без сахара. Доггер оборачивается с переднего сиденья — нелепо смотрится в маленьком моррисе. Если спросит, все ли со мной в порядке, клянусь — ударю по макушке.

— В левом кармане пальто портсигар. Вы не могли бы его мне передать, леди Ласселс?

Передам, лишь отвернись, но перед тем, как запустить в карман руку, внутренне содрогаюсь: вдруг там крошки, несвежий платок или еще что-то ужасное. Но Доггер приятно удивляет — подкладка чиста и скользяща.

— Где ты остановился?

— Нигде, боялся не успеть, поэтому сразу побежал в больницу с вокзала.

Доктор Крауч тяжело вздыхает, закладывая крутой поворот — его манера езды не внушает никакого доверия. Хорошо, что с нами в машине едет доктор. Ха.

— Хочешь, оставайся у меня. Уверен, Пенни будет только рада.

— Мистер Доггер останется в Харвуд-Хаусе. — Доктор Крауч оборачивается назад, открывает рот для возражений. Это уже слишком. — Будьте любезны, не отвлекайтесь от дороги, не хочу последовать за отцом.

До самого Харвуда в машине царит тяжелое молчание. Никто больше ничего не спрашивает, только Доггер курит в чуть приоткрытое окно. Слышно, как посвистывает ветерок. Хочу быть сейчас ветерком.

* * *

Харвуд-Хаус встречает нас полной темнотой, свет фар отражается в окнах — на миг дом пробуждается, вскидывается, узнает меня и снова замирает, осиро-

тевший. Теперь мы одни с ним, глаза в глаза, до конца моих дней. Он бы обнял меня фланкирующими крыльями, я это знаю, но не может — всего лишь дом, огромный, мрачный, мой.

Милли и Ванессу я решаю не будить — не хочется слушать их возбужденное новостями чириканье. Ответила Доггера в гостевую восточную спальню, правда, для него она слишком веселенькая — чиппендейловская кровать с четырьмя столбиками, задрапированная занавесями в цветочек, сверху золотой гребень, кокетливый, как диадема у выходящей первый раз в свет. Я оборачиваюсь на Доггера — снял пальто и теперь пытается разжечь огонь в камине — староват для первого бала. Для второго, впрочем, тоже.

— Позже я схожу за грелкой.

— Вы точно в порядке? Я вполне сам могу застелить постель.

— Да, в порядке. Неприемлемо, чтобы гость сам себя обслуживал. — Я расправляю простыню, к счастью, комплект белья лежал в комодe, не пришлось идти в другой конец дома, к бельевому шкафу, и тихо там шуршать, в страхе разбудить горничных. Доггер как раз роняет кочергу — не на розово-белый аксминстерский ковер, — когда вдруг понимаю, что не видела его багажа. Видимо, я действительно не вполне в себе, если сразу не обратила на это внимания. — Вы без вещей?

— Как видите.

И в чем же он планирует спать в таком случае, позвольте узнать? Поразительная беспечность для мужчины его возраста.

— В таком случае я скоро вернусь.

Я хотела сперва спуститься в кухню, поставить чайник для грелки, потом идти в спальню отца. Она

на первом этаже, но в правом крыле — вода как раз успела бы вскипеть. Но, видимо, миссис Тернер сегодня задержалась — гладкий бочок чайника до сих пор совершенный кипяток. До последнего ждала меня из больницы с порцией новостей. Я переливаю кипяток в грелку и тащусь в комнату отца. Ноги и спину ломит, каждый шаг отдается болью в стертых ногах. Я снимаю туфли — каблук испорчен, оббит, — ставлю их на один из столиков в пассаже. Мои полуразвалившиеся туфли на столешнице розового дерева с маркетри смотрятся настолько ужасающе, что Джордж Канинг кисти Гейнзборо почти вываливается из рамы, готовый отвесить мне хорошего пинка. Я пожимаю плечами — что поделать, Джордж, ночь тиха, и мы тут с тобой одни. Зато не забуду потом убрать.

В последние годы отец перебрался из своей спальни на втором этаже — я звала ее королевской — на первый, в комнаты поменьше — ему было тяжело подниматься по лестнице из-за болезни легких. Умер он тоже из-за болезни легких, целительный воздух Йоркширских холмов — так пишут в буклетах для туристов — оказался бессилён.

В спальне резко пахнет одеколоном и лосьоном для бритья, я включаю свет. Все такое... такое... обычное. Даже пижама лежит на своем месте, в изножье мрачной кровати, задрапированной тяжелыми черно-серыми занавесями. Я присаживаюсь на кресло, прижимаю грелку к груди и пытаюсь вспомнить. Что? Понятия не имею. Может, празднование Рождества? Елку мы наряжали исправно, каждый год. Нет, мысль не идет. Совершенно не идет. Смотрю на георгианские напольные часы — смахивают на гроб, даже пасторальные пейзажи и маленькие розочки по углам циферблата не

спасают, получается тот же гроб, но веселенький — почти десятый час. Что ж. Гардеробная отца неприглядна, на меня смотрят плечики одинаково-черных пиджаков, их разбавляет коричневый твид пиджаков с заплатками на локтях. На боковой полке лежат несколько чистых пижам, они будут коротковаты Доггеру, но выбрать не из чего. Стоит мне потянуть верхний комплект, как на пол выпадает лист бумаги. Странно. 83, 69, 165... и так далее. Цифры идут без последовательности и заполняют собой весь лист. Обычно отец складывал бумаги в китайском кабинете и тщательно их сортировал, но это явно спрятано... Я деликатно смотрю на полке — ничего — сплошные неинтересные пижамы в полосочку. Не нахожу ничего лучше, чем засунуть лист в карман платья и поднять грелку с пола. Завтра. «Подумаю над этим завтра» — так, кажется, говорила О'Хара. Впрочем, насколько я помню, это не принесло ей особого счастья, но рискнуть стоит.

* * *

У Доггера все же получилось развести огонь в камине. Что ж, ему же лучше. Я кладу грелку и пижаму на угол кровати. Доггер несколько обеспокоенно смотрит на мои босые ноги, я тоже на них смотрю — стоптаны в кровь. Ой. Хуже, что они превращаются в ледышки.

— Я бы хотела, чтобы вы занялись похоронами отца.

Теперь он, кажется, удивлен. У Доггера вообще очень подвижное лицо, и чаще всего двигается оно так: брови вздергиваются, глаза чуть расширяются, морщины на лбу углубляются. Хотя, может, сегодня такой день? Я вот, например, тоже смогла саму себя удивить, почему бы и Доггеру не поудивляться на весь будущий год.